

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ УРАЛА

УДК 94(47+57)''17/1917''

doi: 10.17072/2219-3111-2017-2-5-16

ЛЕГЕНДАРНЫЙ АНФАЛОВСКИЙ ГОРОДОК. А БЫЛ ЛИ ГОРОД?

П. А. Корчагин

Пермский федеральный научный центр Уральского отделения РАН, 614990, Пермь, ул. Ленина, 13А
pakorchagin@gmail.com

Анализируются многочисленные гипотезы расположения Анфаловского города, упоминаемого в летописях под 1472 г. в связи с походом рати князя Ф. Пестрого в Пермь Великую. Их авторы допускали ошибку, прямолинейно толкуя летописный термин *город* как доказательство того, что в XV в. в Прикамье существовал русский населённый пункт городского типа. Однако Анфаловский город странным образом не известен ни одному источнику, кроме Вычегодско-Вымской летописи, а рать князя Ф. Пестрого вышла в поход из далёкого города Устюга, а не из находящегося рядом с Пермью Великой Анфаловского. По результатам историко-географического анализа (уточнения водной части маршрута русской рати, практического повторения сухопутного отрезка её пути) можно считать установленным, что Анфаловский город не был городом в полном смысле этого слова, он не был даже населён. Это расположенное в 400 м к юго-востоку от с. Кольчуг городище-убежище на берегу старичного озера, отделившегося от основного камского русла в конце XV – начале XVI в. Анфаловский город не был опорным пунктом русской колонизации, но служил транспортной развязкой, местом, откуда начинался древний волок, который одновременно был одной из первых сухопутных дорог в Перми Великой.

Ключевые слова: Пермь Великая, Анфаловский город, р. Черная, городище-убежище, волок.

*Булату Файзиевичу Габдрашитову
с благодарностью и в вечную память зеркала
заднего вида, ибо настолько узки лесные до-
роги в Чердынском районе*

Анфаловский город, с одной стороны, это один из наиболее загадочных историко-географических объектов Прикамья XV в., редкий историк Урала при обсуждении проблем ранней истории Перми Великой может обойтись без хотя бы его упоминания. С другой стороны, об этом городе ничего определённого не известно, что порождает массу предположений разной степени достоверности. По мнению Г.А. Бординских и П.Ф. Кайлера «существует до десяти гипотез о местонахождении поселения» [Бординских, Кайлер, 1994, с.26]. С событиями 1472 г., в контексте которых упоминается Анфаловский город, некоторые исследователи связывают окончательное присоединение Перми Великой к Русскому государству, и от определения расположения, характера и функций этого легендарного объекта зависят оценка успехов русской колонизации Прикамья, полнота представлений о древней инфраструктуре севера Пермского края и многое из того, что важно для понимания происходивших там процессов.

Источники и историография

Известное единственное сообщение о существовании Анфаловского города, которое, правда, трижды повторено в Московском летописном своде конца XV в., Никоновской и Симеоновской летописях. В Московском летописном своде под 1472 г. читаем: «Того же лета июля 26 прииде весть великому князю ис Перми, что воевода его князь Федоръ Пестрой землю Пермскую взять, а пришел в землю ту на усть Черные реки на фоминои неделе в четверток и оттуду поиде на плотях и с коньми, приплывъ под город Анфаловскои, съиде с плотов и поиде оттуду на конех на верхнюю землю к городку Искору, а Гаврила Нелидова отпустил на нижнюю землю, на Урос, на Чердыню, да на Почку...» (Московский летописный..., 1949, с.296–297). Никоновская летопись практически дословно (за исключением даты, которая более верна) воспроизводит уже известную

нам информацию: «Того же лета, Иуния 26 приде весть великому князю ис Перми, что воевода князь Федоръ Пестрой землю Пермскую взять. *А прииель въ землю ту на усть-Черные реки на Фоминой недели въ четвертокъ; и оттуду поиде на плотехъ и съ конми и, приплывъ подь городъ Анфаловской, съиде съ плотовъ и поиде оттуду на конихъ на верхнюю землю къ городку Искору, а Гаврила Нелидова отпустиль на нижнюю землю, на Урость, на Чердынь да на Почку...*» (*Никоновская летопись*, 1901, с.148). Симеоновская же летопись не просто дословно, но добуквенно повторяет текст Никоновской (*Симеоновская летопись*, 1913, с.241).

В дореволюционной исторической литературе даже упоминания Анфаловского города крайне редки, а попытки определения его местоположения отсутствуют во все. Все же упоминания о нём – не более чем пересказ источника. Так, В.Н. Татищев и С.М. Соловьев в своих «Историях...» лишь вскользь упоминают Анфаловский в контексте похода князя Ф. Пестрого [*Татищев*, 1848. с.29; *Соловьев*, 1989, с.70–71]. А.А. Дмитриев в своей «Пермской старине», характеризуя «важное в историко-географическом отношении свидетельство Никоновской летописи о Пермском походе 1472 года», дал в сноске пояснение к упомянутой в летописном отрывке р. Чёрной: «Левый приток Сысолы, текущий в Вычегду» [*Дмитриев*, 1889, с.68]. Вопрос о местонахождении Анфаловского города автор даже не ставил.

Ситуация изменилась в советский период. В 1928 г. вышла маленькая (всего на полторы странички), но очень ёмкая статья И.С. Пушвинцева «Путь рати Федора Пестрого в 1472 году»: «...Продвижение московской рати шло: 1) на конях от р. Лузы, притока Юга, до устья Черной реки на Весляне, 2) *на плотях от устья Черной вниз по Весляне и Каме до города Анфаловского*, представляющего русскую колонию, что подтверждается названием селения, а так же отсутствием указания в летописи на его завоевание. Местоположение этого города неизвестно... Можно предположить, что *он располагался вблизи тепереиного села Бондюга*, где имеются остатки ям и встречаются чудские находки... 3) от Анфаловского рать разделилась на две части, одна часть двинулась на восток к Чердыни, а другая на северо-восток к Искору, где, не доходя до последнего четыре версты, нужно было переправляться через Колву, тут и произошла первая встреча с Пермью...» [*Пушвинцев*, 1928, с.8–9]. В логике И.С. Пушвинцева, вполне допустимой, всё же есть некоторые неувязки. Так, весьма убедительно указывается расположение Анфаловского города на Каме, но никак не объясняется предполагаемый выбор Ф. Пестрым пути от Устюга на Лузскую Пермцу и далее «от р. Лузы, притока Юга, до устья Черной реки».

В 1951 г. в статье «Верхнее Прикамье в X–XIV вв.» М.В. Талицкий писал об Анфаловском городе весьма кратко: «Ведь в самом описании похода 1472 г. мы встречаем "город Анфаловский" (где-то на Каме, выше впадения Вишеры), а имя Анфал известно среди новгородских воевод» [*Талицкий*, 1951, с.71]. В.А. Оборин в статье 1979 г. о заселении Коми округа солидаризировался с И.С. Пушвинцевым и писал: «В начале XV в. где-то в районе Бондюг возникает одно из первых *русских поселений* в крае – Анфаловский городок, основанный беглым двинским воеводой Анфалом Никитиным, перешедшим на сторону Московских князей» [*Оборин*, 1979, с. 9–10].

В своей монографии 1990 г. В.А. Оборин продолжал настаивать на бондюжской локации Анфаловского города: «В начале XV в. (между 1401 и 1409 гг.) на Верхней Каме строится первый русский укрепленный городок Анфаловский, названный именем двинского воеводы Анфала Никитина, перешедшего на сторону Москвы и бежавшего в Приуралье от преследования новгородских властей. После гибели Анфала (в 1417 г.) он продолжал использоваться русскими отрядами до конца XV в. Археологические поиски городка пока не дали положительных результатов. Однако наиболее вероятно, что он находился в окрестностях с. Бондюг, Чердынского района Пермской области, около которого найдены русский меч, обрывки кольчуги и клад русских монет XV в.» [*Оборин*, 1990, с.73–74].

В 1985 г. Г.А. Бординских в обзорной статье «На заре истории Чердыни» очень кратко изложил свои представления об Анфаловском городе: «...Местное русское население было невелико, всего 2 крупных укрепленных поселения: Анфалов, расположенный где-то в районе с. Бондюг или же нижнего течения (устья) р. Лызанки, и Чердынь» [*Бординских*, 1985, с.14]. В статье 1991 г. Г.А. Бординских окончательно отказался от поисков «Анфаловского городка» на Каме и аргументировал гипотезу его нахождения на правом берегу р. Колвы, на километр ниже устья р. Лызовки, на мысу, занимаемом Лобанихинским городищем [*Бординских*, 1991]. В совместной с П.Ф. Кайлером статье 1994 г. Г.А. Бординских повторил это утверждение в противовес оставшейся неопубликованной

ванной гипотезе И.А. Лунегова, приурочивавшего Анфаловский город к так называемому Анфалову месту, что в 2 км к северо-западу от Чердыни [Бординских, Кайлер, 1994, с.26].

Наиболее развёрнуто Г.А. Бординских изложил аргументацию колвинской локации Анфаловского города на страницах популярного издания «Тайны истории Перми Великой» в том же году. Он доказывал, что «русский отряд двигался по р. Вычегде и через верховья р. Южной Кельтмы или р. Пильвы вышел к левому притоку р. Лызовки р. Чёрной», и по ней сплавился до Лобанихинского городища – Анфаловского города [Бординских, 1994, с.45]. Возможные сомнения в необходимости строить плоты для сплава по Лызовке (всего 12 км. – П.К.) Г.А. Бординских отмечает утверждением о том, что берега реки весной труднопроходимы. А для объяснения того, что ни один из известных водно-волоковых или сухопутных путей не идёт от Вычегды к Колве через верховья р. Пильвы, он реконструировал якобы существовавшую ранее дорогу от с. Усть-Нема на Вычегде до с. Вильгорта на Колве, повторением которой в конце XIX в. должен был стать земский тракт, соединяющий Пермскую и Вологодскую губернии.

В 1995 г. В.С. Колбас и А.П. Зиновьев опубликовали статью «К вопросу о местонахождении Анфаловского городка (анализ гипотез)», в которой, обобщили материалы разных лет: «Анализ существующих гипотез о местонахождении Анфаловского городка позволяет сделать вывод: только введение в научный оборот новых материалов позволит одной из гипотез стать окончательно признанной историками или приведет к появлению других гипотез. Но, видимо, не исключено, что тайна Анфаловского городка так никогда и не будет разгадана» [Колбас, Зиновьев, 1995, с.59].

Интерес к проблеме Анфаловского города в первой половине 90-х гг. XX в. достаточно быстро сошёл на нет, и только в 2004 г. О.В. Семенов в статье о времени вхождения Перми Великой в состав Московского государства просто признавал его существование как опорного центра русской колонизации: «Колонизации края препятствовали его удаленность и постоянные набеги со стороны казанцев и пелымских вогуличей. Не имела здесь Москва и разветвленной сети опорных пунктов. Для первой половины XV в. достоверно известно о существовании только Анфаловского городка (1401–1409), точное местоположение которого не установлено» [Семенов, 2004, с.34–45]. В книге Ю.Г. Алексеева «Походы русских войск при Иване III», вышедшей в 2007 г., Анфаловский город вновь упоминается только при цитировании летописи. Автор, хотя и подробно описывает маршрут рати, все же избегает указывать точное место высадки: «Двигаясь вниз по Весляне, войска вышли к Каме в районе Чердыни» [Алексеев, 2007, с.145]. Такова в общем история изучения Анфаловского города.

Гипотезы и псевдогипотезы

В статье Г.А. Бординских и П.Ф. Кайлера 1994 г. перечислены «следующие гипотезы местонахождения Анфаловского городка: Дивьегорское городище на р. Колве (Н. Рычков), у с. Бондюг (И. Пушвинцев, В. Оборин), на р. Вычегде (А. Дмитриев), у с. Долды (В. Шмыров), Пянтежское городище (А. Терехин), у оз. Исток-Тылты (Г. Николаев), на р. Весляне (Буткевич), урочище Анфалово место (И. Лунегов), Лобанихинское городище (Г. Бординских)» [Бординских, Кайлер, 1994, с.26]. В 1995 г. А.П. Зиновьев и В.С. Колбас выпустили аналогичную статью – историографический обзор, тематика которого явствует из названия: «К вопросу о местонахождении Анфаловского городка (анализ гипотез)» [Колбас, Зиновьев, 1995, с.57–59]. Некоторые из изложенных гипотез не могут не вызвать вопросов.

Итак, по мнению В.С. Колбаса и А.П. Зиновьева, «автором первой гипотезы является Н.П. Рычков. Он считал, что городок располагался в верховьях Колвы, на месте Дивьегорского Городища. Его поддерживали И.А. Кривошеков и Н.П. Чупин. Но они не учли того, что рать Федора Пестрого не могла разделиться в этом месте на две части, поскольку оно находится севернее и Искора, и Чердыни» [Колбас, Зиновьев, 1995, с.57]. Однако вся информация о каком-либо городке или городище на Колве у Н.П. Рычкова уместается во фразе: «Там находится небольшое городище, обнесенное валом, где поныне еще видимы земляные врата, ведущие внутрь сего укрепления. Крестьяне, живущие близ сея горы, выдумали, будто бы тут живала некая Чюдская девица, владея сим местом так, как и другими тамошними городками. По сему иногда называют они сии горы Девьим камнем» [Рычков, 1772, с.117–118]. О принадлежности этого городка Анфалу нигде в «Записках...» не упоминается, в тексте не встречается даже самого этого имени. Что же касается «поддержки» гипотезы Н.П. Рычкова другими исследователями, то вряд ли за такую можно посчитать тот

факт, что Н.Н. Чупиным на с. 455 его словаря приводится описание Дивьего камня, причём это просто цитата из Рычкова [Чупин, 1878, с.455].

Вторая гипотеза приписывается авторами А.А. Дмитриеву, который якобы «считал, что городок находится на р. Черной, левом притоке р. Сысолы, текущей в Вычегду» [Колбас, Зиновьев, 1995, с.58]. «Гипотеза» более чем удивительная, поскольку Сысола не входит в Камский речной бассейн. Кроме этого, по данным Государственного водного реестра у Сысолы нет притока с названием Чёрная. Но если бы и был, то с «усть Черные реки» на плотках (т.е. по течению) можно было бы попасть только в устье Сысолы, т.е. в современный Сыктывкар, бывший Усть-Сысольск. Однако справедливости ради заметим, что эта топографическая путаница не принадлежит А.А. Дмитриеву. На указанной В.С. Колбасом и А.П. Зиновьевым с. 68 первого тома «Пермской старины» А.А. Дмитриев лишь цитировал летопись, не делая никаких попыток интерпретации источника, не затрагивая специально проблемы маршрута отряда кн. Ф. Пёстрога, местоположения Анфаловского города и р. Чёрной. И нам остаётся констатировать, что второй гипотезы не существовало, равно как и первой.

Вряд ли можно назвать гипотезой в полном смысле слова предположение А.С. Терехина, которое авторы историографического обзора назвали оригинальным: «Он считает, что Богородицкая церковь в с. Пянтег – это бывшая крепостная башня Анфаловского городка, перевезенная в село с Пянтежского городища. Но эта гипотеза слабо аргументирована» [Колбас, Зиновьев, 1995, с.58]. А.С. Терехин писал дословно следующее: «Можно предполагать, что башня – остаток Анфаловского укрепленного городка – первого русского поселения в северном Прикамье. Последние сведения о городке относятся к 1472 г., когда там останавливалось русское войско под командой князя Федора Пестрого, шедшее покорять Пермь Великую. Опальный воевода Анфал Никитин, спасаясь от преследований новгородских бояр, должен был осесть, несомненно, в укрепленном месте, хотя бы в Пянтежском городище (в 3 км от с. Пянтег). Позднее он превратил его в крепость – Анфаловский городок» [Терехин, 1974, с.69].

Городище, действительно, расположено на левобережье Камы, однако не на самом берегу, а в камской пойме, в сосновом бору, на расстоянии до 3 км от собственно береговой кромки. С него невозможно было «наблюдать за верхним и нижним плесами реки» (их просто не видно) и уж тем более «контролировать верхнюю Каму и бассейны рек Вишеры и Колвы». От основного русла Камы Пянтежское городище вообще отделено протокой. Городище представляет собой оконечность неширокой гривы, отграниченную от остальной части небольшим валом. Сколько-нибудь большой отряд на нём не мог разместиться физически, из-за очень малой площади. Сообщения о находках на Пянтежском городище русских предметов являются недоразумением: ни у В.Н. Берха, ни у Н.Н. Новокрещенных сведений об этом не имеется, Ю.А. Поляков и В.А. Оборин при раскопах также не находили ядер и русской керамики. И, главное, к моменту появления А. Никитина на Каме это городище уже не функционировало, слоёв конца XIV–XV вв. на нём не обнаружено. И предположение А.С. Терехина также является несостоятельным.

Авторы обзора не согласны и с ещё одной, четвёртой, гипотезой: «Иной точки зрения придерживается В.А. Шмыров. Он располагает городок на правом берегу Камы около с. Долды. Но против этой гипотезы работают краеведческие изыскания Н.Н. Новокрещенных, материалы археологических разведок Ю.А. Полякова, исследования Г.А. Бординских» [Колбас, Зиновьев, 1995, с.58]. В статье Н.Н. Новокрещенных «Археологические исследования в западной части Пермской губернии» описываются археологические памятники в окрестностях с. Большие Долды, но в ней ни разу не упомянут Анфаловский город – ни в положительном, ни в отрицательном смысле [Новокрещенных, 1901, с.107–141], и эта работа никоим образом не может подтверждать или опровергать мнение В.А. Шмырова.

Вызывает удивление суждение В.С. Колбаса и А.П. Зиновьева: «Не выдерживает критики утверждение Ф.П. Будкевича, что Анфаловский городок находился в устье р. Черной, притоке р. Весляны, поскольку рек с названием Черная в Прикамье множество» [Колбас, Зиновьев, 1995, с.58]. Ф.П. Будкевич, строго говоря, в своём полухудожественном очерке ничего подобного не утверждал: «Еще двадцать лет назад маленький поселок Усть-Черная, что стоит на слиянии реки Черной с красавицей Весляной, был изрядной глухоманью... И не об этой ли самой Усть-Черной воевода Гаврила Нелидов доносил Ивану III в 1472 году, сообщая, что в походе на Пермь Великую он "зимовал на Усть-Черных речках"? Все может быть. Когда-нибудь историки ответят нам на этот

вопрос» [Будкевич, 1964, с.63]. Как видим, автор спутал всё что можно, посчитав главным воеводой вместо Ф. Пёстрога его товарища Г Нелидова и заставив того зазимовать в «изрядной глухомани». Об Анфаловском городке в тексте Ф.П. Будкевича нет ни слова. Кроме того, он оставил решение проблемы на усмотрение историков будущего.

Реки

В летописном известии из двух географических привязок, которые позволили бы хоть как-то определить маршрут движения рати князя Ф. Пёстрога, только один гидроним – *р. Чёрная* – может быть обнаружен на современной карте. Для того чтобы определить местонахождение Анфаловского города, надо в первую очередь выяснить, в устье какой именно реки Черной рать князя Ф. Пестрого погрузилась на плоты, и тогда искать его ниже по течению.

Но на севере Прикамья по данным Государственного водного реестра протекают семь рек под названием *Чёрная*. Для того чтобы найти искомую реку, следует действовать излюбленным – дедуктивным – методом Шерлока Холмса, последовательно исключая маловероятные варианты.

Р. *Чёрная* – приток р. Вишера (устье 60°23'46"N 56°59'41"E). Но трудно предположить, что отряд князя Ф. Пёстрога попал в Колвинско-Вишерское поречье, минуя Пермь Великую. Самая удобная дорога до устья этой р. Чёрной – Ораловский тракт – начинается у ... с. Искор. Р. *Чёрная* – левый приток р. Вурлам в *Кочевском районе* – начинается на границе с Кировской областью. Но, чтобы попасть к её устью (59°59'06.8"N 53°51'32.2"E), двигаясь от Устюга, необходимо пересечь Каму, что делает бессмысленным движение к этой Чёрной, поскольку по Каме достичь Чердыни короче и удобнее. Ещё одна р. *Чёрная* – левый приток р. Сым в *Косинском районе* (устье 60°9'51"N 54°40'60"E), начинающийся у д. Бараново, не подходит на роль летописной Чёрной по той же причине.

Известна и р. *Чёрная* – правый приток р. Кама (устье 59°19'39.9"N 52°56'40.9"E) у д. *Гришата Березовского с/о Афанасьевского района Кировской области*. Своими верховьями она выходит к верховьям р. *Коса в Юрлинском районе* Пермского края. Казалось бы, устье этой реки вполне могло бы оказаться на пути московского воеводы, но дело в том, что Волосницкий волок (ныне Волосницкий канал) из Камы в Вятку находится на 40 км севернее (и ниже по течению Камы) и князю Ф. Пёстрогу не было резона забираться так далеко на юг.

Весьма интересное место на северо-востоке Чердынского района, где в левый приток р. Вишерка р. Ларевку (вспомним гипотезу В.А. Шмырова) впадают сразу две реки Чёрных. В 14 км от устья Ларевки справа впадает р. *Чёрная* длиной 14 км (61°12'52"N 56°42'41.6"E), а в 30 км от устья слева – р. *Чёрная* длиной 12 км (61°14'55.2"N 56°48'39"E). Место интересное тем, что р. Вишерка, вытекающая из Чусовского озера, – промежуточный этап на хорошо известных водно-волоковых путях из Колвы в Вычегду (Немский волок) и Печеру (Печерский волок через р. Волосницу). Вот только незадача: чтобы попасть к устью любой из этих Чёрных рек, нужно совершенно нелогично, плуруя по лесам, отступить на восток от оптимального маршрута или, если рать шла через Немский волок, зачем-то удлиняя путь, сворачивать в р. Ларевку. Да и путь в Чердынь через Немский волок – самый длинный из всех возможных водно-волоковых маршрутов.

Гораздо ближе к летописным городкам протекает р. *Чёрная*, впадающая слева в р. Лызовку в 12 км по течению от р. Колвы (60°31'57"N 56°21'31.8"E). В устье именно этой реки, по мнению Г.А. Бординских, князь Ф. Пёстрый погрузил свой отряд на плоты и сплавил до устья Лызовки, где и располагался Анфалов городок. Согласно этой гипотезе русская рать попала на р. Чёрную из верховьев р. Пильвы, куда она выдвинулась из Усть-Нема [Бординских, 1994, с.45–46]. Якобы этот путь (Усть-Нем – Гавина – Вильгорт) существовал и ранее XIX в., когда в этом направлении стали организовывать тракт. Однако всё это маловероятно, поскольку Немский волок через Чусовское озеро активно использовался, по крайней мере, до начала XX в. Но даже если бы реконструируемая Г.А. Бординских сухопутная дорога действительно существовала, то князю Ф. Пёстрогу проще было бы проследовать по ней от д. Гавиной прямо до с. Вильгорт на р. Колве (7 км), чем более 18 км по р. Черной и вдоль р. Лызовки до д. Лобаниха на той же р. Колве. Да и р. Лызовка практически несудоходна: она настолько узка, что даже по весне по ней невозможно сплавлять плоты, груженые кавалерией.

После отсеивания всех маловероятных или вовсе невероятных Чёрных рек осталась лишь одна р. *Чёрная* (149 км), которая удовлетворяет всем требованиям – *правый приток р. Весляны в Гайнском районе Пермского края* (60°29'02.1"N 52°40'27.6"E). Она имеет и второе название –

Большая Соль – и является составной частью одного из кратчайших водно-волоковых путей из Устюга в Пермь Великую через Вычегду – Локчим – Соль – Сольвож – Нижний Сольвож – волок в Камский бассейн – Малую Соль – Чёрную (Большую Соль) – Весляну – Каму. В данном перечне несколько гидронимов на *Соль*~ – это русское переосмысление коми слова *сой* «уст. рука от кисти до плеча» [*Коми-пермяцко-русский...*, 1985, с.439] в значении «речной рукав» [Туркин, 1986, с.106]. На низком водоразделе Камы и Вычегды, между пос. Лопыдино (Республика Коми) и пос. Чернореченский (Пермский край), многочисленные рукава притоков великих рек переплетаются, делая очень удобным переход из бассейна в бассейн.

Кроме удобств путешествия, очевидно, стоит привести и какие-то другие доказательства выбора ратью Ф. Пёстрога маршрута именно через Вычегду. Это позволяет сделать информация в Устюжской летописи. В ней хронология событий зимы 1471–1472 г. представлена следующим образом: «В лето 6980. Приде князь великий на Москву сентября в 1 день из Новгорода и много посадников и бояр приведе полоном. *Того же лета ноября в 2 день поставлен бысть игумен Филофеи епископом в Пермь.* Тое же зимы видеша мнози 2 солнца на небеси. Того же лета поставлен бысть Феофан в Новьгород, и отпусти его и полоненых бояр новгородских. Тое же зимы явися звезда хвостата, луча паче самая звезды, и восхождаше от шестаго часа нощи. Тое же зимы князь великий Иван Васильевич женился другою княгинею, понял царевну Софию римлянину, а шла на Новьгород Великий. Тое же зимы явися другая звезда хвостата над летним западом. *Того же лета князь великий Иван послал князя Федора Давыдовичя Пестрого в Великую Пермь воивоною, а с ним рать устюжаня.* Тое же весны Филип митрополит заложил церковь каменную Успение святыя Богородица у своего двора, апреля в 1 день, а разруши церковь, ю же бе Петр митрополит заложил соборную, и выняша мощи Петра митрополита, и Феоноста, и Киприяна митрополита, и Фотей, и Иону. *Того же лета приде весть ис Перми, что воивоноа князь Федор Давыдовичь Пестрой землю Великопермьскую взял и за великаго князя привел, а рать вся цела, месяца июня в 26 день»* (Устюжская летопись, 1992, с.93).

Начало похода князя Ф. Пёстрога точно не датировано, из текста следует лишь, что он начался между 2 ноября 1471 г. (поставление епископа Филофея на пермскую кафедру) и 1 апреля 1472 г. (начало строительства Успенского храма). Псковская III летопись (Строевский список) позволяет ещё сузить хронологический промежуток: «явися звезда на небеси съ хвостомъ ... того же мьсяца генваря явися на небеси звезда хвостатая, и была *генварь мьсяць весь да съ недѣлю была февраля*, и изгибла...» (Псковские летописи, 1955, с.186). Выходит, рать князя Ф. Пёстрога отправилась в поход не ранее второй недели февраля, но не позднее конца марта 1472 г.

Вряд ли отряд князя Ф. Пёстрога сопровождал нового пермского епископа к месту его служения, ведь у Филофея, судя по всему, к началу января уже не было дел в Москве. Архиепископ новгородский Феофил вернулся на родину уже 7 января 1472 г. Однако князь Ф. Пёстрый всё-таки встретился с пермским епископом. В Вычегодско-Вымской летописи сообщается состав идущей на Урал рати: «...Князь великий Иван повеле воеводе устюжскому Федору Пестрому с *устюжань, белозерць, вологжань, вычегжань* воевати Пермь Великую...» (Вычегодско-Вымская летопись, 1958, с.262). И, как вполне резонно заметил ещё Г.А. Бординских, «здесь фактически указывается путь рати. Вначале названы «устюжань», так как воевода устюжский, а далее перечисляются отряды, которые князь присоединил по пути движения: Москва – г. Белое Озеро – Вологда – Великий Устюг – р. Вычегда» [Бординских, 1994, с.45].

В Усть-Выме князь Федор Пестрый, очевидно, взял проводников, поскольку только местные знали оптимальный маршрут переволоки из Вычегодского бассейна в Камский (в р. Чёрную), где-то между современными пос. Нючпас и Чернореченский. Однако и этот маршрут не был оптимальным, так как предполагал при движении по р. Сыsole заметный крюк на юго-запад. Рати князя Ф. Пёстрога проще и быстрее было, миновав устье Сыsole, двигаться вверх до устья р. Локчим, на 168-м км течения этой реки свернуть в р. Соль, которая выводит к водоразделу с Камским бассейном. Об этом волоке мы уже писали. Но, следуя любым из этих маршрутов, Ф. Пёстрый неизбежно попадал на «усть Черной реки», на р. Весляна, по которой нужно было двигаться ещё 115 км до Камы.

Если бы князь задался целью достичь Чердыни исключительно водным путём, то его отряду пришлось бы сплавиться 235 км по Каме до устья Вишеры, а затем подниматься 33 км против течения Вишеры и Колвы до Троицкой горы. Заметим, что примерно с широты Чердыни Кама и Ви-

шера с Колвой текут почти параллельно, сливаясь только в полусотне километров южнее города: русла этих рек постепенно сближаются на расстояние от 20 до 6 км. В половодье (а рать князя Ф. Пёстрого попала в Пермь Великую в первой половине мая) движение против течения затруднительно даже для гребных судов, а на плотах выполнение подобного маневра попросту невозможно. Несомненно, именно эту часть камско-вишерско-колвинского водного пути и хотел срезать князь Ф. Пёстрый, этим и объясняется необходимость совершённой его ратью высадки на сушу у Анфаловского города.

Во-первых, его отряду удалось значительно облегчить и ускорить своё продвижение к Перми Великой, поскольку они подгадали к вскрытию рек и продолжили движение по Весляне и Каме на плотах. Во-вторых, конец апреля – начало мая – это период, когда снег на севере Пермского края, особенно на водоразделах и открытых местах, уже изрядно подтаивает и опадает, и местность становится вполне проходимой для коней. Но в низинах, оврагах и руслах небольших рек сохраняются ещё достаточно мощные снежные напластования, да и лучше избегать набухающих рек в период бурного таяния снегов.

В современном руководстве по прокладке лесных дорог кратко излагаются основные правила их устройства, которые были актуальны в древности: «При проектировании трассы необходимо стремиться избегать: крутизны на поворотах и подъемах, расположения вдоль хребтов, пересечений водоемов, болот, каменистых и скалистых местностей» [Герасимов, 2009, с.20]. Хребтов и скалистых местностей в камско-вишерском междуречье нет, таким образом, мы должны искать путь, не пересекавший водных преград, ибо в большинстве случаев крутизна на поворотах и подъемах встречается в долинах рек и в примыкающих к ним оврагах.

А был ли город?

А что, собственно, нужно искать? В Никоновской летописи и Московском летописном своде написано: «...город Анфаловской». Обратим внимание: «город», а не «городок». Столь солидное обозначение обычно подразумевает наличие у населённого пункта городского статуса, что, в свою очередь, предполагает присутствие постоянного населения, коронной власти (наместника или воеводы), гарнизона и хотя бы деревянных укреплений. Г.А. Бординских называл Анфаловский «крупным укрепленным поселением», а И.С. Пушвинцев даже счёл этот город «русской колонией». Но вот что странно: экспедиция князя Ф. Пёстрого в Пермь Великую, в Чердынь была направлена из Устюга, а не из ближайшего русского опорного пункта, т.е. из Анфаловского города как было бы логичнее. Русская рать, сплавившись до Анфаловского, там всего лишь «съиде съ плотовъ и поиде оттуду», а не усилилась за счёт местного гарнизона. Весьма странно и то, почему русский населённый пункт городского типа упоминается в летописании лишь однажды, ни до, ни после похода 1472 г. мы не сталкиваемся с ним в источниках.

Все исследователи единодушно связывают возникновение Анфаловского города с деятельностью Анфала Никитина, чрезвычайно колоритной фигуры русской истории на рубеже XIV–XV вв. Упоминается он, по крайней мере в семи летописных памятниках. Биография А. Никитина достаточно хорошо изучена историками и краеведами, поэтому адресуем читателя к их работам [Дубровин, 2006, с.35–47; Мусихин, 2010, с.361–371; Низов, 2002, с.72–93]. Для себя же зафиксируем важное обстоятельство, которое отметил автор наиболее обстоятельного очерка А.Л. Мусихин: «Подводя итог рассмотренным нами спорным вопросам биографии Анфала Никитина, можно отметить следующее... По имеющимся в настоящее время данным ничего нельзя сказать и о его ушкуйничестве на Волге и Каме» [Мусихин, 2011, с.52].

В летописях А. Никитин в качестве градостроителя не отмечен, хотя справедливости ради необходимо обратить внимание на интересный эпизод в его биографии. В 1398 г. «радостни быша вси Новгородцы съ своею братьею; а изменника своего воеводу Двинскаго Ивана Никитича, приведше въ Новгородъ, вкинуша съ мосту въ Волховъ; а братья его *Анфаль убежалъ съ пути*; а Герасиму и Родивону даша животь и постригоша ихъ въ черньци. А егда съ пути *побежалъ Анфаль, и позонился за нимъ Яковъ Прокофьевичъ съ семьюсотъ человекъ ратью, и пригнался ко Устюгу...* И Яковъ же поиде за Онфаломъ и наеха его за Медвежьею горою; а *онъ себе со своими други острогъ учинилъ и бися съ Яковомъ изо острога...* на реце на Сухоне у порога у Стрелнаго» (Никоновская летопись, 1897, с.171). Получается, что если не город, то острог Анфал с соратниками вполне могли возвести, причём достаточно быстро. Но зачем это было делать на Каме? А главное, было ли у него для этого достаточно времени?

Проследим по источникам случаи, когда Анфал бороздил камские воды. По сведениям Софийской второй летописи в 1409 г. «*ходи Анфал на Болгары Камою и Волгою, сто насадов Камою, а Волгаю полтораста носадов, и тамо рать около его побиша татарове, а самаг(о) поймавше и в Орду повели, а волжские насады не поспели...*» (Софийская вторая летопись, 2001, с.35–36). Аналогичные сведения содержатся в Московском летописном своде (Московский летописный свод, 1949, с.239) и Никоновской летописи (Никоновская летопись, 1901, с.211). Тверская летопись позволяет уточнить маршрут: «*Въ лето 6917... Того же лета поидоша Новгородци изъ Заволочия по Двине, въ верхъ Сухоною, и вышли Костромою (въ) Волгу, и взяша на Костроме кормь, и поидоша къ Новугороду Волгою, вьюючи, и взяша Новгородъ Нижний; и потомъ поидоша на усть Ками, на с(о)ветъ Анфалу и не поспеша. Анфаль же пошель задними водами въ Каму...*» (Тверская летопись, 1863, с.485). Все источники подтверждают, что отряд А. Никитина в 1409 г. быстро двигался по Каме, нигде не задерживаясь, ведь «волжские насады не поспели», его союзники «поидоша на усть Ками, на с(о)ветъ Анфалу и не поспеша», и, следовательно, у него элементарно не было времени для возведения целого города. Откуда же он взялся?

Попытаемся понять причины возникновения Анфаловского города. Для этого необходимо привлечь все косвенные (за неимением прямых) источники и, главное, понять, какую роль играл этот городок не только в 1472 г. (хотя и с этим не всё просто), но и с момента его основания до исчезновения. Источники описывают его единственную функцию – транспортной развязки, где происходила смена характера пути и вида транспорта («съиде с плотов и поиде отгуду на конех»).

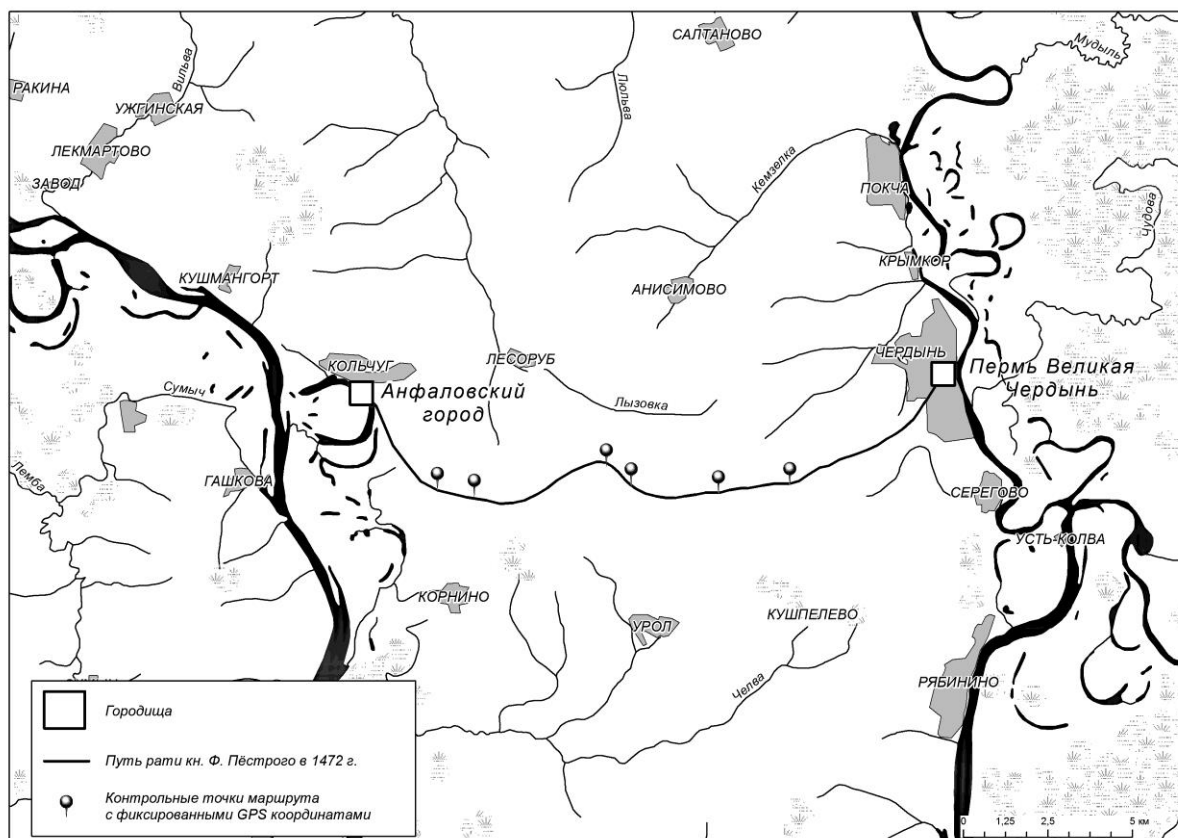
С. Б. Веселовский, характеризуя первичный этап заселения подмосковных земель, следующим образом описывал облик и функцию городков: «*Очень древним типом селения были городки, все укрепление которых состояло из рва, земляного вала и частокола. Большинство населения жило в мелких поселках вокруг городка, в который оно сбегалось в случае опасности, сгоняя в городок скот и снося сюда свое имущество. Князья, отправляясь на полюдье, для суда и сбора дани, иногда останавливались в городках, но обыкновенно они устраивали свои станы на погостах*» [Веселовский, 2008, с.33].

Время и место

Другими словами, средневековые русские «городки» – это, если использовать археологическую классификацию, городища-убежища с минимальными укреплениями, поэтому не стоит надеяться обнаружить в Прикамье XV в. настоящий город с остатками кремлёвских стен. Анфаловский город не имел никаких административных функций, и, дословно понимая источник, следует искать не столько город, сколько место, где рати было удобно сойти с плотов и двинуться на Чердынь кратчайшим путём.

Заметим, что Кама, подходя на минимальное расстояние к Чердыни на Колве, в районе с. Кольчуг, поворачивает здесь строго на юг. Чердынь и Кольчуг находятся практически на одной широте, на двух противоположных концах водораздела рек Лызовка (на севере) и Челва (на юге). Местная топография диктовала древнему населению устройство в этом месте древней сухопутной дороги. В 400 м от юго-восточной окраины с. Кольчуг находится треугольный высокий мыс коренного берега Кольчугского озера, образованный логом безымянного ручья (60°23'44.1"N 56°10'20.2"E). С напольной стороны часть мыса площадью до 3 тыс. кв. м ограничена естественным валом, скрывающим происходящее на площадке от посторонних глаз. От уреза воды наверх можно подняться по проложенной по стрелке мыса крутой тропке, по которой можно даже завести взнузданную лошадь. Выраженных культурных напластований на площадке не зафиксировано, однако на поверхности был обнаружен корродированный фрагмент лезвия ножа ремесленной работы, точная датировка которого затруднена.

Главный инженер АУ «КСИКНОП» г. Чердыни Б.Ф. Габдрашитов сообщил, что проезд от Кольчуга до Чердыни мимо водных препятствий возможен, и в августе 2013 г. любезно согласился провезти исследователей по этому пути. Стоит отметить, что ни электронные карты с современных геопорталов, ни даже карты генштаба не отражают топографическую ситуацию этого района объективно. Особенно это касается лесных дорог, которых оказалось гораздо больше, чем на картах, поэтому указания проводника оказались неоценимыми. Маршрут фиксировался при помощи GPS-навигатора, места перекрёстков и развилки отмечались как контрольные точки (см. рис.)¹, и карта свидетельствует о том, что это действительно кратчайший путь.

Реконструируемый сухопутный отрезок пути рати кн. Ф. Пестрого в 1472 г.

Практически вся дорога проложена по песчаным и супесчаным почвам, поэтому проходимая даже в межсезонье. На отдельных участках она заросла двухметровыми елями и березами, однако колея хорошо фиксируется. В середине маршрута встречаются зарастающие поля и покосы. Здесь никогда не было поселений, поскольку нет даже небольших ручьёв и родников. По этой же причине современная автодорога Чердынь – Кольчуг проходит севернее, через с. Анисимово, и пересекает один из притоков р. Кемзелки и р. Лызовку.

Наличие городища-убежища и удобной дороги по водоразделу ещё не может служить доказательством тождественности городища у с. Кольчуг и Анфаловского города. Но многое помогает понять топоним *Кольчуг*. Возможны два варианта перевода этого слова на русский язык. Первый: «кольцевая река», «река кольцом» (подразумеваемая кольцеобразную старицу, современное Кольчугское озеро) от коми «кольча» – кольцо и общепермского «юг» – «река» [Лыткин, Гуляев, 1970, с.334]. Однако этот вариант весьма маловероятен, поскольку, во-первых, «кольча» – это явное заимствование из русского, во-вторых, подобный гидроним должен был звучать как «Кольчаюг» (ср. хотя бы «кольчаавны кольцевать» [Безносикова, 2009, с.481]), а в-третьих, кольцеобразных рек не бывает в природе.

Наиболее вероятен иной перевод, где первый корень означает «остаться, отбиться». В самом деле: «кольччись (прич. от кульччыны) 1) остающийся; гортö ~ инькаэз пондасö весöтччыны женщины, оставшиеся дома, будут заниматься прополкой 2) отстающий; бөрö ~ бригада отстающая бригада кульччöм (прич. от кульччыны) 1) оставшийся; юын ~ керрез оставшиеся в реке брёвна 2) отставший; поезд съорись ~ отир люди, отставшие от поезда...» [Баталова, 1985, с.182–183].

В таком случае «Кольчуг» – это дословно «оставшаяся река», что по смыслу должно соответствовать «руслу, покинутому рекой». Так же считает А.С. Кривощёкова-Гантман, которая, правда, предлагает иную (страдательную) форму причастия: «Кольчуг может быть расшифрован как «оставленная река»» [Кривощёкова-Гантман, 2006, с.44]. Добавим, что «юг» – это один из очень древних гидронимов с весьма характерной семантикой, не просто означающий «река», но маркирующий направление к сухопутному участку пути, к волоку.

Строго говоря, Кольчугское озеро и сейчас не является замкнутой системой, его южная часть имеет *прорву*, протоку, выводящую к Каме. Известно, что в XVI–XVII вв. на Каме и её притоках

шли активные русловые процессы, связанные с общим похолоданием климата, получившим название «малого ледникового периода». Повышение влажности и общей обводнённости рек вызывало бурное половодье, срывающее узкие перемычки в основании речных меандров, как раз такие, какая была отмечена недалеко от места, где ныне расположено с. Кольчуг. Гидрологи настаивают на то, что в древности старичное Кольчугское озеро было основным течением Камы [Назаров, Черепанова, 2012, с.133], а значит, плоты русской рати могли беспрепятственно причаливать к берегу у городища-убежища и она могла провести ночь в относительной безопасности перед дневным переходом до Чердыни.

Верхнее течение Камы было известно русским задолго до Анфала Никитина. В Воскресенской летописи под 1220 г. встречаем следующую информацию: «Князь великий Юрьи Всеволодич ... из Ростова полк посла, а другой со Устюга на врех Камы...» (Воскресенская летопись, 1856, с.126). Отряд, направленный великим князем к Болгару, на резком повороте камского русла на месте современного с. Кольчуг (известного лишь с 1579 г. [Кривошеков, 1914, с.441–442]) прошёл мимо двух родановских селищ: Кольчужского I – на западной окраине современного села и Кольчужского II – в ста метрах к юго-востоку от него, датируемых IX–XIII вв. (Государственные списки, 2001, с.109). Но во времена Анфала Никитина и князя Фёдора Пёстрога населённых пунктов здесь уже не существовало, и вполне логично, что городище-убежище, устроенное в этом месте, получило название в честь русского первооткрывателя, почерпнувшего важную географическую информацию у местного населения.

Итак, город Анфаловский не был городом в полном смысле этого слова, он не был даже населённым пунктом или «порубежной заставой». Анфаловский город – городище-убежище возле с. Кольчуг, важный элемент древней инфраструктуры, перевалочная база, место у начала древнего волока, который одновременно был одной из первых сухопутных дорог в Перми Великой.

Примечания

¹ Приношу глубокую признательность канд. геогр. наук Е.С. Черепановой за помощь в составлении карты.

Список источников

- Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т.7.
Вычегодско-Вымская летопись // Ист.-филол. сб, Сыктывкар, 1958. Вып.4. С.257–271.
Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. Пермь: Пушка, 2001.
Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. М.: Л., 1949. Т.25.
Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т.11.С. 211.
Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т.12. С. 148.
Псковские летописи / под ред. А. Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып.2
Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т.18.
Софийская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т.6, вып.2.
Тверская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1863. Т.15.
Устюжская летопись (Архангелогородский летописец) // Полное собрание русских летописей. Л., 1992. Т.37.

Библиографический список

- Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 462 с.
Баталова Р.М., Кривошеёва-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
Бординских Г.А. На заре истории Чердыни (IX – начало XVII в.) // Город древний и вечно молодой. Чердынь: б. и., 1985. С.13–17.
Бординских Г.А. Тайна Анфаловского городка // Наука Урала. 1991. 10 дек.
Бординских Г.А. Тайны истории Перми Великой. Соликамск: б. и., 1994. 104 с.
Бординских Г.А., Кайлер П.Ф. Исследование урочища Анфалово место (к вопросу о местонахождении Анфаловского городка) // Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья: Матер. Всерос. науч.-практ. конф.). Березники, 1994. С. 26.
Будкевич Ф. От Усть-Черной до Кероса // Наш край (материалы для изучения). Пермь, 1964. Вып.1. С.63–67.
Веселовский С.Б. Московское государство: XV–XVII века. Из научного наследия. М.: АИРО-XXI, 2008. 384 с.
Герасимов Ю., Катаров В. Лесные дороги. Йёэнсуу, 2009. 72 с.
Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып.1: Древности бывшей Перми Великой. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1889.
Дубровин Г.Е. Легенды о братьях Алфановых // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. №3(25). С.35–47.

- Колбас В.С., Зиновьев А.П. К вопросу о местонахождении Анфаловского городка (анализ гипотез) // История и культура провинциальных городов пермского Прикамья: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Березники, 1995. С.57–59.
- Кривошеков И.Я. Словарь географически-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь: Изд. Чердынского уездного земства, 1914. 850 с.
- Кривошекова-Гантман А.С. Общепермская и общекоми лексика ландшафта в составе топонимии Прикамья // Кривошекова-Гантман А.Н. Собр.соч. в 2-х т. Т.2: Ономастика. Пермь, 2006. С.20–29.
- Кривошекова-Гантман А.С. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье // Кривошекова-Гантман А.Н. Собр. соч. в 2-х т. Т.2: Ономастика. Пермь, 2006. С.30–51.
- Мусихин А.Л. Известие о гибели двинского боярина Анфала Никитина в общерусских и вятских летописях: причины разночтений (постановка вопроса) // Мининские чтения: Тр. междунар. науч. конф. Н-Новгород, 2010. С.361–371.
- Мусихин А.Л. Загадки Анфала Никитина // Вятские записки. Киров, 2011. №20. С.34–58.
- Назаров Н.Н., Черепанова Е.С. Пойменно-русловые комплексы Пермского Прикамья. Пермь, 2012. 158 с.
- Низов В.В. Ушкуйник Афанасий Никитин // Герценка: Вятские записки. Вып.3. Киров, 2002. С.72–93.
- Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии (Дневник раскопок и разведок) // Тр. ПУАК. Пермь, 1901. Вып.4. С.107–141.
- Оборин В.А. Заселение и освоение Коми округа русскими и коми-пермяками в XVI–XVII вв.// Наш край. Кудымкар: Перм. книж. изд-во, Коми-Перм. отд., 1979. Вып.5. С. 9–10.
- Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI–начале XVII в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 169 с.
- Пушвинцев И.С. Путь рати Федора Пестрого в 1472 г. //Чердынский край: издание Общества изучения Чердынского края и музея. [Соликамск: б. и.], 1928. Вып. 3. С.8–9.
- Рычков Н.П. Продолжение журнала или дневных записок капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 г. СПб., 1772. 136 с.
- Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 3: История России с древнейших времен. М.: Голос, 1989. Т. 5–6. 758 с.
- Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Матер. и исслед. по археологии СССР. 1951. № 22. С. 37–42.
- Татищев В.Н. История Российская. М., 1848. Т.5.
- Терехин А.С. Древнейший памятник деревянного зодчества // Из прошлого Чердынского края. Пермь: Кн. изд-во, 1974. С.62–70.
- Семенов О.В. К вопросу о времени вхождения в состав Московского государства Перми Великой // Известия Уральского гос. ун-та. 2004. № 31. С. 34–45.
- Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. 144 с.
- Чутин Н. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь: б. и., 1878. Т. 2. 577 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.02.2017

LEGENDARY ANFALOVSKY TOWN. WAS THERE A TOWN?

P. A. Korchagin

Perm Scientific Center of Ural branch of Russian Academy of Sciences, Lenin str., 13a, 614990, Perm, Russia
pakorchagin@gmail.com

The article analyzes the numerous hypotheses on the location of the Anfalovsky town mentioned in the chronicles of 1472 because of a military campaign of Prince F. Pestryy to Perm the Great. The authors of hypotheses made a mistake with the direct interpretation of the term “town” in the chronicle and recognized it as a proof that there was a Russian settlement of the urban type in the 15th century in the Kama region. However, there is no information on the Anfalovsky town except the Vyhegda-Vym chronicle. So, the army of prince Pestryy went on the campaign from the distant Ustyug town, but not from the Anfalovsky town which was near Perm the Great. According to the results of historical-geographical analysis (clarification of the water part of the route of the Russian rat and the practical repetition of the land segment of its path), the author states that the Anfalovsky town was not a town and even not a settlement. It was a mound of refuge on the shore of an old lake located 400 meters to the south-east of Kolchug village and separated from the main Kama riverbed in the late 15th - early 16th century. The Anfalovsky town was not a stronghold of Russian colonization, but served as a traffic intersection. It was a place where the ancient portage began. It also was one of the first roads in the land of the Perm the Great.

Key words: Perm the Great, Anfalovsky town, the Chernaya river, the site of refuge, portage.

References

Alekseev, Yu.G. (2007), *Pokhody russkikh voysk pri Ivane III* [Campaigns of Russian troops under Ivan III], Izd-vo SPbGU, SPb, Russia, 462 p.

- Batalov, R.M., Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1985), *Komi-permyatsko-russkiy slovar* [Komi-Permian-Russian dictionary], «Russkiy yazyk», Moscow, 624 p.
- Bordinskikh, G.A. (1985), “At the dawn of the history of Cherdyn (the 9th – the beginning of the 17th centuries), in *Gorod drevniy i vechno molodoy* [The ancient and eternally young city], w.p., Cherdyn, Russia, pp. 13–17.
- Bordinskikh, G.A. (1991), “Mystery of Anfalovsky town”, *Nauka Urala*, 10 dek.
- Bordinskikh, G.A. (1994), *Tayny istorii Permi Velikoy* [Secrets of the history of Perm the Great], w.p., Solikamsk, Russia, 104 p.
- Bordinskikh, G.A., Kayler, P.F. (1994), “An exploration of the tract of Anfalovo place (to the question of the whereabouts of the Anfalovo town)”, in *Problemye voprosy istorii, kul'tury, obrazovaniya, ekonomiki Severnogo Prikam'ya: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Problematic questions of history, culture, education, economy of the North Kama region: materials of All-Russian scientific-practical. conf.], Berezniki, Russia, p. 26.
- Budkevich, F. (1964), “From Ust-Chernaya to Keros”, in *Nash kray (materialy dlya izucheniya)* [Our land (study materials)], vyp.1, Perm, pp. 63–67.
- Veselovskiy, S.B. (2008), *Moskovskoe gosudarstvo: XV–XVII veka. Iz nauchnogo naslediya* [Moscow State: XV–XVII centuries. From the scientific heritage], AIRO-XXI, Moscow, 384 p.
- Gerasimov, Yu., Katarov, V. (2009), *Lesnye dorogi* [Forest roads], NII Lesa Finlyandii, Joensuu, Finland, 72 p.
- Dmitriev, A.A. (1889), *Permskaya starina. Vyp.1: Drevnosti byvshey Permi Velikoy* [The Permian Antiquity. Issue 1: Antiquities of the former Perm Great], Tipografiya P.F. Kamenskogo, Perm, Russia.
- Dubrovin, G.E. (2006), “Legends of the Alfanov Brothers”, *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*, №3(25), pp. 35–47.
- Kolbas, V.S., Zinov'ev, A.P. (1995), “To the question of the location of the Anfalovsky town (analysis of hypotheses)”, in *Istoriya i kul'tura provintsial'nykh gorodov permskogo Prikam'ya: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [History and culture of the provincial cities of the Perm Kama region: Mater. of All-Russian scientific-practical. conf.], Berezniki, pp. 57–59.
- Krivoshchekov, I.Ya. (1914), *Slovar' geograficheskii-statisticheskii Cherdynskogo uyezda Permskoy gubernii* [Geographical and statistical dictionary of Cherdynsky district of Perm province], Izdanie Cherdynskogo uyezdnogo zemstva, Perm, Russia, 850 p.
- Krivoshchekova-Gantman, A.S. (2006), “General Permian and general Komi vocabulary of the landscape as part of the toponymy of the Kama region”, in *Krivoshchekova-Gantman, A.N., Sobr.soch. v 2-kh t. T.2: Onomastika* [Collected works in 2 vol., vol.2: Onomastics], Perm. gos. ped. un-t., Perm, Russia, pp. 20–29.
- Krivoshchekova-Gantman, A.S. (2006), “Waternames of Permian Komi origin in the Kama region”, in *Krivoshchekova-Gantman, A.N., Sobr.soch. v 2-kh t. T.2: Onomastika* [Collected works in 2 vol., vol.2: Onomastics], Perm. gos. ped. un-t., Perm, Russia, pp. 30–51.
- Musikhin, A.L. (2010), “The news of the death of the Dvinsk boyar Anfal Nikitin in the all-Russian and Vyatka annals: the reasons for the discrepancies (posing the question)”, in *Mininskie chteniya: Tr. mezhdunar. nauch. konf.* [Mininskiye Readings: Proceedings of the Intern. Sci. Conf.], N-Novgorod, Russia, pp. 361–371.
- Musikhin, A.L. (2011), “Mysteries of Anfal Nikitin”, *Vyatskie zapiski*, № 20, pp. 34–58.
- Nazarov, N.N., Cherepanova, E.S. (2012), *Poymenno-ruslovye komplekсы Permskogo Prikam'ya* [Bottom land and watercourse complexes of Perm Kama region], Perm. gos. nats. issled. un-t, Perm, Russia, 158 p.
- Nizov, V.V. (2002), “Ushkuynik Afanasy Nikitin”, in *Gertsenka: Vyatskie zapiski* [Herzenka: Vyatsky notes], vol. 3, Kirov, pp. 72–93.
- Novokreshchennykh, N.N. (1901), “Archaeological research in the western part of the Perm province (Diary of excavations and intelligence)”, in *Trudy PUAk* [Materials of Perm Scientific Archival Commission], Perm, vol. 4, pp. 107–141.
- Oborin, V.A. (1979), “Settlement and development of Komi district by Russian and Komi-Permyaks in XVI–XVII centuries”, in *Nash kray* [Our Land], vol. 5, Perm. knizh. izd-vo, Komi-Perm. otd., Kudymkar, Russia, pp. 9–10.
- Oborin, V.A. (1990), *Zaselenie i osvoenie Urala v kontse XI – nachale XVII v.* [Settlement and development of the Urals at the end of the 11th – early 17th centuries], Izd-vo Irkut.un-ta, Irkutsk, Russia, 169 p.
- Pushvintsev, I.S. (1928), “The path of Fyodor Pestryy's army in 1472”, in *Cherdynskiy kray: izdanie Obshchestva izucheniya Cherdynskogo kraja i muzeya* [Cherdynsky Krai: the publication of the Society for the Study of the Cherdynsky Krai and the Museum], vol. 3: avgust 1928, w.p., Solikamsk, pp. 8–9.
- Rychkov, N.P. (1772), *Prodolzhenie zhurnal ili dnevnykh zapisok kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva, 1770 g.* [Continuation of the journal or daily notes of Captain Rychkov in different provinces of the Russian state, 1770], St. Petersburg, Russia, 136 p.
- Solovyev, S.M. (1989), *Sochineniya. Kn. 3: Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Works. Book. 3: History of Russia since ancient times], vol. 5–6, Golos, Moscow, Russia, 758 p.
- Talitskiy, M.V. (1951), “The Upper Kama area in X–XIV centuries”, in *Mater. i issled. po arkhologii SSSR*, № 22, pp. 37–42.
- Terekhin, A.S. (1974), “The oldest monument of wooden architecture”, in *Iz proshlogo Cherdynskogo kraja* [From the past of the Cherdyn region], Knizhn. izd-vo, Perm, Russia, pp. 62–70.
- Semenov, O.V. (2004), “To the question of the time when the Perm state entered the Moscow State”, *Izv. Ural. gos. un-ta*, 2004, № 31, pp. 34–45.
- Turkin, A.I. (1986), *Toponimicheskii slovar' Komi ASSR* [Toponymic Dictionary of KOMI ASSR], Komi knizhn. izd-vo, Syktyvkar, Russia, 144 p.
- Chupin, N. (1878), *Geograficheskii i statisticheskii slovar' Permskoy gubernii* [Geographical and statistical dictionary of Perm province], vol. 2, w. p., Perm, Russia, 577 p.